

Коденцева Софья Сергеевна

ПОЭТ РОМАНТИЧЕСКИХ КУЛЬМИНАЦИЙ. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИРИКИ А. ПРАСОЛОВА С ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКОЙ ПОЭТОВ-ФИЛОСОФОВ

В статье рассматривается проблема поисков поэтической стратегии в эпистолярном наследии А. Прасолова. В своих частных письмах Алексей Прасолов пишет не только о личных переживаниях, но и дает оценку творчества поэтов и писателей. В поле его зрения оказываются как писатели-современники, так и признанные классики, такие как Ф. Тютчев, Е. Баратынский, А. Блок и другие авторы. В статье сопоставляется лирика Прасолова с любовной лирикой поэтов-философов, выявляются сходство и различие в восприятии любовных отношений, образа любимой женщины поэтами-философами и А. Прасоловым.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 19-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Кэптукэ Г. Маленькая Америка: повесть, рассказы. М.: Современник, 1991. 207 с.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.
6. Немтушкин А. Мне снятся небесные олени. М.: Современник, 1987. 222 с.
7. Оёгир Н. К. Гулувун дегдэдедэн... Чтоб не гас костер... Сказки, стихи. Красноярск: Сибирские промыслы, 2006. 352 с.
8. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). М.: Наука, 1988. 168 с.
9. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970) / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 141-155.
10. Сергеев М. А. Литературное творчество народов Севера // Советская этнография. 1955. № 3. С. 173-187.
11. Фрейденберг О. М. Миф и литература. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
12. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов России (на материале мансийской, ненецкой, нивхской, хантыйской, чукотской и эвенкийской литератур): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2009. 45 с.
13. Эвенкийские героические сказания / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.

VERTICAL MODEL OF THE WORLD IN THE EVENK WRITERS' WORKS

Ivanova El'vira Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
tekenmi@mail.ru

The article studies mythological and folk sources in the works by the Evenk authors A. Nemtushkin "I Dream of Heavenly Deer" and G. Keptuke "Having its Name, Dzheltula-River". The novelty of the work is in revealing the organic connection of the new-written literature of the Evenks with the mythology and epic of the ethnos. Consideration of these stories allows determining that the artistic model of the world presented in them reflects the traditional views of the Evenks about the three-part structure of the world, contributing to the disclosure of the world outlook grounds of the ethnos.

Key words and phrases: Evenk literature; Evenk myths; epic of the Evenks; world outlook of the Evenks; mythological plot; three worlds; ethnic image of the world.

УДК 882

В статье рассматривается проблема поисков поэтической стратегии в эпистолярном наследии А. Прасолова. В своих частных письмах Алексей Прасолов пишет не только о личных переживаниях, но и дает оценку творчества поэтов и писателей. В поле его зрения оказываются как писатели-современники, так и признанные классики, такие как Ф. Тютчев, Е. Баратынский, А. Блок и другие авторы. В статье сопоставляется лирика Прасолова с любовной лирикой поэтов-философов, выявляются сходство и различие в восприятии любовных отношений, образа любимой женщины поэтами-философами и А. Прасоловым.

Ключевые слова и фразы: Алексей Прасолов; частные письма; эпистолярное наследие; любовная лирика; поэты-философы.

Коденцева Софья Сергеевна

Воронежский университет инженерных технологий
sofya.kodentseva@mail.ru

ПОЭТ РОМАНТИЧЕСКИХ КУЛЬМИНАЦИЙ. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИРИКИ А. ПРАСОЛОВА С ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКОЙ ПОЭТОВ-ФИЛОСОФОВ

Развитие темы любви в поэзии А. Прасолова во многом сопоставимо с известными лирическими произведениями поэтов-философов и с творчеством поэтов Серебряного века, при этом оно сохраняет свои индивидуально-авторские, прасоловские, черты. Прасолов воспринимал мир, развитие человеческого чувства, интимных отношений между людьми очень близко к тому, как это делали некоторые поэты.

Свою идейно-поэтическую концепцию А. Прасолов воплощает, опираясь на творчество Е. Баратынского, Ф. Тютчева, Н. Заболоцкого, А. Блока и других авторов.

Обратимся к репрезентации образа лирической героини в любовной лирике Прасолова. Для его поэзии характерна номинация «ты», применимая к субъекту любви лирического героя. Номинация «Она» к героине любовного стихотворения практически не применяется, в отличие, скажем, от любовной лирики Ф. Тютчева, особенно позднего периода. Почему же Прасолов обращается к своей героине «ты»? Для него любовь – это что-то очень личное, что-то, что не может терпеть третьих лиц. Поэт хочет обращаться конкретно к своей возлюбленной, а не рассказывать кому-то свою историю, раскрывать тайны. Прасолов воспринимает любовные отношения очень серьезно, для него они образуют жизнь вокруг себя. Он рассматривает всю любовь относительно всего мира, всей Вселенной. Любовь не всегда приносит только радость, но всегда наполняет смыслом жизнь: «Ведь мир тебя мне не заменит, // Как мира // Не заменишь ты» [3, с. 50].

Большинство критиков видят благотворное влияние на поэзию Прасолова философской лирики Ф. Тютчева, поздние его стихи, как кажется некоторым, вскормлены на чтении Заболоцкого. Это глубокое и верное замечание, но несколько одностороннее.

Лирический герой Прасолова в меньшей степени, чем лирический герой Тютчева, отстранен от лирической героини. У Тютчева взгляд как бы со стороны, подчеркивает разъединенность целого: «Она сидела на полу // И грудь писем разбирала...» («Она сидела на полу») [5, с. 104]; «Весь день она лежала в забытьи...» [Там же].

Если сравнить отношение двух поэтов к лирическим героиням, то становится понятно, что Прасолов в стихах словно разговаривает со своей возлюбленной. Стихотворения как будто становятся посланиями, письмами, которые непременно должны дойти до адресата: «Ты тихо коснулась пугливой // В затоне прозвевшей звезды» [3, с. 80]; «На парте ты должна найти букет» [Там же, с. 79].

Страницы писем Прасолова содержат немало упоминаний о деятелях искусства (прежде всего поэтов), разборов их творчества, критических замечаний. Между тем сквозной линией идет сопоставление с любимыми поэтами прошлого. Прасолов и сам отмечал, что особенно близкими были Ф. Тютчев и А. Блок: «Жаль, нет ни строки Блока! Библиотека нища. Еще бы Тютчева» [4, с. 68].

Несомненно, Тютчев являлся в лучших, бессмертных образах своей философской лирики учителем жизни для читателя и учителем поэзии для поэтов. Идеи Тютчева воспринял и творчески воплотил в своей поэзии А. Прасолов. О нем, как о продолжателе философских традиций русской классики, говорил И. О. Шайтанов: «Поэт, озаглавивший свою первую книгу “День и ночь”, сразу же заставляет предположить, что ему не чуждо тютчевское начало» [6, с. 64].

А. Прасолов постоянно упоминает о мучительной, почти физической необходимости читать Блока, держать в руках томик его стихов, подчас независимо от содержания. Он пишет: «У меня теперь есть свой Блок. Сборник глуповатый, составленный большей частью из стихов Блока “гражданственного”. Но – ничего. Его стихам я не отдаю. Люблю в нем предельную точность, высокое, чистое дыхание – то, что я ищу у каждого настоящего поэта – будь то Гейне, Блок, Тютчев или сам Пушкин» [4, с. 296].

Масштаб личности, поэтического дарования Блока объяснялись актуальностью вопросов, которые были заявлены в его поэзии, современность ее подчеркивалась следующими строками: «Наше время требует преодоления того, что мучило Блока, сделав его самым мрачным поэтом мира? И что сделает нынче равный ему или более сильный. А его нет и на 100 лет вперед – не видно» [Там же, с. 298].

У Блока Прасолов также берет один из «манифестов» истинной поэзии: «Книга в конце концов должна помогать жить» [Там же].

О Блоке, своем отношении к нему поэт высказался предельно честно, фактически еще раз сверив с большим мастером свою нравственную и писательскую позицию: «Блока, как и других сильных, я принимаю не до самозабвения. Я встречаюсь с ним, как с давно знакомым глубоким духом, которого хочется – познать, постичь еще раз и уловить то, что называют ремесленным словом – “мастерство”. Хочется почуять прочность совершенного» [Там же, с. 165].

Намечена у А. Прасолова и тема идеальной и прекрасной «незнакомки», получившая свое воплощение у А. Блока. В стихотворении «В редакции скрипели перья» мы можем ощутить блоковскую атмосферу загадочности и туманности, почувствовать восхищение не только конкретной женщиной, но и женской природой в принципе:

В редакции скрипели перья,
Набрасывая дня черты.
Неслышно отворились двери,
И, юная, вступила ты [3, с. 144].

В этом стихотворении нет любви к конкретной женщине, но есть любовь к женской красоте, нежности, энергетике, которую передает вошедшая в редакцию девушка. Она словно луч света, рассеивающий темноту. Подобная антитеза задает ритм всему произведению, словно бы подчеркивая, что существует иная реальность, в которой могут существовать такие неземные, инфернальные создания. Воображение поэта и художника возносит героиню над миром, но все же Она реальна, пришла не из мечты, а из действительности:

«А ты – не схваченная кистью, // Не замурованная в стих, // От будничных чернильных истин // Звала в свои просторы их» [Там же, с. 115].

В космосе прасоловской природы явственны эквиваленты, которые наглядно демонстрируют непостижимость, но также и широкий спектр отношений между возлюбленными. Так, возникающий полумрак, когда в ночи гасят свет («Давай погасим свет», 1965-1968), становится выражением непостижимой глубины человеческих отношений («А за окном // Такая глубина // Что, может, только музыке дана»), неисчерпаемости столь всеохватной, что она даже стирает очертания любящих («И перед этой // Странной глубиной // Друг друга мы // Не узнаем с тобой»). Лирическому герою любовь приносит удовольствие. Он может жить в свободе одиночества. Эти чувства показаны через половодье, которое далеко расходится и лишь само устанавливает себе границы («И, встречая раздольные воды... Я вдыхаю избыток свободы»... «Так всходи и забудь, что сегодня // Слишком много дано на двоих»).

Погодные условия указывают нам на счастье в отношениях влюбленных, их сознание переполнено положительными эмоциями, в которые даже трудно поверить. Природа часто является показателем душевных переживаний лирических героев. Иногда природа может быть разрушителем и наносить вред отношениям

возлюбленных. Так, во второй строфе стихотворения «Замученные свесились цветы» поэт изображает любовь под покровом ночи, в которой лирический герой теряет свою любовь. Поэт олицетворяет природу, она становится непосредственным участником размолвки («Насторожатся зрячие цветы»): «И эта ночь с холодной звездой, // С цветами, что раскрылись над тобой, // С твоим теплом, распахнутым и сонным, // Пронизана высоким чистым звоном» [Там же, с. 236].

День, который затеняет эту ночь и влияет на нее впоследствии, нарушит высокий звук ночи, и любовь между возлюбленными обернется ложью. Лирический герой поймет, что его безмятежные и чистые чувства были лишь сном, химерой, что все разрушится с наступлением дня: «И оборвется звон высокой ночи – // Все это ложь, что сердце мне морочит» [Там же].

В значительной мере такие сопоставления состояний природы и внутреннего мира человека, особенно в любовной лирике, характерны и для поэтов-философов как предшествующих времен (Тютчева и др.), так и недалеко отстоящих по времени жизни и творчества (Заболоцкого и др.).

В знаменитом стихотворении Н. Заболоцкого «Признание» с удивительным лиризмом представлено соединение лирической героини, «драгоценной женщины», с мирозданием. Женщина представляется неразрывным целым с природой. Автор идеализирует возлюбленную и приравнивает ее к Вселенной: «Зацелована, околдована, // С ветром в поле когда-то обвенчана... // Не веселая, не печальная, // Словно с темного неба сошедшая... // Отвори мне лицо полуночное...» [1, с. 93].

Тютчев художественно исследовал и показал внутренние закономерности развития человеческого чувства, интимных отношений между людьми в конкретной индивидуально-психологической, социально-нравственной ситуации, органично соотнося ее с всеобщими изначальными тенденциями противоречивой природы человека и с его местом в космическом мироздании [2, с. 156]. Сравнивая любовную лирику Прасолова с лирикой Тютчева, можно сказать, что тютчевские мотивы в полной мере воспринял и творчески воплотил в своей поэзии А. Прасолов. Для него было важно понять место человека в мироздании, соотнесенность и связь с ним.

Небольшой текст «Торжествует ночное отчаянье» включает в себя проблематику потерпевших неудачу отношений в образе разделенного молчания: гармония между «Я» и «Ты» может быть выражена не только в словах, но и в совместном молчании; это некое разрушение, где гармонии больше не существует, и это молчание – воплощение абсолютной немоты двух людей, которых уже не может связать общее молчание: «Торжествует ночное отчаянье, // До утра беззвучив слова, // Не одно у нас даже молчание, // А стеной разделенные – два» [3, с. 238].

Так, у Тютчева в стихотворении «Предопределение» читаем: «Союз души с душой родной – // Их съединенье, сочетанье, // И роковое их слиянье...» [5, с. 228].

Высоко ценя литературное дарование некоторых поэтов, Прасолов вместе с тем «поэтизировал» сам образ поэта, возводя его на некий метафизический пьедестал.

В одном из первых писем А. Прасолов четко определил свое творческое кредо, в дальнейшем развивая эту мысль: «Быть поэтом в высоком смысле – быть свободным внутренне. Так, чтобы сердце было на ветру, жить сердцем наружу. И эта свобода (только не свобода менестреля) еще прочней, когда рядом такая же душа» [4, с. 54]. Это роднит его со многими истинными поэтами, знакомство с которыми или постижение их заново происходило не только в годы заключения, но и на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. **Заболоцкий Н. А.** Стихотворения. Поэмы. Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. 366 с.
2. **Козлик И. В.** В поэтическом мире Ф. И. Тютчева. Ивано-Франковск: Плай; Коломыя, 1997. 156 с.
3. **Прасолов А. Т.** И душу я несу сквозь годы... / сост. Р. В. Андреева-Прасолова; послеслов. В. М. Акаткина. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 560 с.
4. **Прасолов А. Т.** Я встретил ночь твою: роман в письмах / сост., предисловие и примечания И. И. Ростовцевой. М.: Издательский дом «Хроникер», 2003. 591 с.
5. **Тютчев Ф. И.** Стихотворения. М.: Правда, 1986. 544 с.
6. **Шайтанов И.** Замысел судьбы // Литературное обозрение. 1979. № 7. С. 63-66.

POET OF ROMANTIC CULMINATIONS. COMPARISON OF A. PRASOLOV'S LYRICS WITH THE LOVE LYRICS OF POETS-PHILOSOPHERS

Kodentseva Sof'ya Sergeevna
Voronezh State University of Engineering Technologies
sofya.kodentseva@mail.ru

The article considers the problem of searching for the poetic strategy in A. Prasolov's epistolary heritage. In his private letters Alexey Prasolov writes not only about personal experiences, but also evaluates the creativity of poets and writers. In the field of his view are both contemporary writers and recognized classics such as F. Tyutchev, E. Baratynsky, A. Blok and other authors. The article compares Prasolov's lyrics with the love lyrics of poets-philosophers, reveals the similarity and difference in perception of love relations, the image of a beloved woman by poets-philosophers and Prasolov.

Key words and phrases: Alexey Prasolov; private letters; epistolary heritage; love lyrics; poets-philosophers.